

Научная статья
УДК 93/94 (091)
doi: 10.17223/15617793/479/14

Оценка состояния помещичьих хозяйств Рязанской губернии гласными Сельскохозяйственной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России в 1872–1873 гг.

Елена Николаевна Костылева¹

¹ Рязанский институт (филиал) Московского политехнического университета, Рязань, Россия, lena-kostyleva@yandex.ru

Аннотация. Анализируется состояние помещичьих хозяйств Рязанской губернии в 1870-е гг. Обосновывается, что гласные Валуевской комиссии оценивали его негативно, указывая на малоземелье, абсентеизм, устаревшую систему хозяйствования и отсутствие рынка вольнонаемного труда. Доказывается, что первостепенными задачами была техническая модернизация и развитие сельскохозяйственного образования в регионе. Автор приходит к выводу, что работа Сельскохозяйственной комиссии стала важным этапом выявления экономических проблем Рязанской губернии, подготовив почву для дальнейших преобразований в стране.

Ключевые слова: абсентеизм, Сельскохозяйственная или Валуевская комиссия, вольнонаемная рабочая сила, дворянское малоземелье, модернизация помещичьих хозяйств, сельскохозяйственное образование, технические усовершенствования

Для цитирования: Костылева Е.Н. Оценка состояния помещичьих хозяйств Рязанской губернии гласными Сельскохозяйственной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России в 1872–1873 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479. С. 129–138. doi: 10.17223/15617793/479/14

Original article
doi: 10.17223/15617793/479/14

Assessment of the condition of landowner economies in Ryazan Province by members of the Commission for the Exploration of the Current Situation of Agriculture and Agricultural Productivity in Russia in 1872–1873

Elena N. Kostyleva¹

¹ Ryazan Institute (Branch) of Moscow Polytechnic University, Ryazan, Russian Federation, lena-kostyleva@yandex.ru

Abstract. The article is dedicated to the characteristic of landowner's economies in Ryazan Province in the 1870s. It proves that the main purpose of the Commission for the Exploration of the Current Situation of Agriculture and Agricultural Productivity in Russia was the identification of the degree of agricultural makers' adaptation to new post-reform conditions. The study confirms (based on historiographical materials) that the main document for studying the functioning of the Commission in Ryazan Province is The Reports of Respondents Invited to the Commission. The author comes to a conclusion (based on the materials of the central and local archives) that the post-reform decade became a transition period for the economy of Ryazan Province, when the consistent system of economic organization had not been formed yet and agricultural makers had not been adapted to the new post-reform conditions. The author shows that local commons (high-income landowners and farmers) denoted basic regional economic problems: land scarcity, traditional managing methods and nobility's absenteeism. The commons' opinions were sometimes personal, but they could elucidate the main agrarian problems and find out Ryazan Province's specificity: staged transition of noble lands to the peasants, redistribution of farmlands to the merchants, ground lease as the unreliable way of making profit. The author demonstrates that the task of prime importance in Ryazan Province that had been shown by the Value Commission's commons was the formation of the free labor market. The region's peculiarity was peasants' unwillingness to get a job in their region, and the shortage of skilled laborers and the deficiency of regulatory environment made it difficult to apply disciplinary actions. The author also draws attention to Ryazan commons' proposals of their own measures to improve landowners' estates: technical modernization and development of the regional agricultural education. The author concludes that most of the Ryazan commons negatively evaluated the development of landowners' economies in the 1870s. Their point of view reflected not only the local economic targets, but widespread economic woes of the Russian Empire. For the Ryazan commons, the participation in the Commission was an important stage in identifying local economic problems, when the zemstvo council's commons could exchange their ideas and experience from the regional to the all-Russian levels. The Commission for the Exploration of

the Current Situation of Agriculture and Agricultural Productivity in Russia paved the way for further transformations in the country.

Keywords: absenteeism, Valuev's Commission, free labor market, nobility's land scarcity, modernization of nobility's estates, agricultural education, technical modernization

For citation: Kostyleva, E.N. (2022) Assessment of the condition of landowner economies in Ryazan Province by the members of the Commission for the Exploration of the Current Situation of Agriculture and Agricultural Productivity in Russia in 1872–1873. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 479. pp. 129–138. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/479/14

В 1870-е гг. сельскохозяйственная политика Российской империи была направлена на правовое и административное упорядочение аграрного сектора нашей страны. В этот период общество стало остро ощущать недостатки крестьянской реформы и законодательства 1861 г., оставившего ряд нерешенных вопросов. Кульминацией обсуждения правительством хозяйственно-экономических проблем страны стала работа Высочайше утвержденной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. Она была создана в 1872 г. по инициативе министра государственных имуществ П.А. Валуева и вошла в историю как Сельскохозяйственная или Валуевская комиссия. Целью деятельности комиссии стало выявление сельскохозяйственных проблем российских регионов, а поиск их решения рассматривался как второстепенная задача.

На первый план выдвинулась проблема модернизации помещичьих хозяйств, оказавшихся неподготовленными к пореформенным условиям. Взаимоотношения самодержавия и дворянства играли ключевую роль: поддержка благородного сословия в известной мере обеспечивала прочность всей государственной системы.

Хронологически изучение деятельности Сельскохозяйственной комиссии в Российской империи целесообразно разделить на три периода: дореволюционный, советский и современный.

К первому относятся исследования с середины XIX в. по 1917 г., наиболее значимые из которых – труды И.М. Стаховского [1], А.А. Корнилова [2], К.Д. Кавелина [3], Н.Ф. Даниельсона [4]. Основное внимание в них уделяется проблемам модернизации хозяйств сельских производителей и российской деревни в целом.

Ко второму периоду относятся работы, изданные советскими исследователями. В них деятельность Сельскохозяйственной комиссии освещается авторами как один из этапов крестьянской политики царизма в царствование Александра II. В трудах В.Г. Чернухи работа Валуевской комиссии 1872 г. рассматривается как попытка введения представительных учреждений в Российской империи. Автор считала, что правительственная политика в области государственного управления «свидетельствовала о неспособности самодержавия решить задачу приспособления архаичного строя к развивающемуся капитализму» [5]. Обращаясь к решению ключевых хозяйственно-экономических проблем Российской империи в 1870-е гг., автор приходит к выводу об «осторожности заключений Комиссии по насущным вопросам» [6].

К третьему периоду относятся исследования современных авторов – А.Э. Гетманского [7], И.А. Христофорова [8], И.Е. Барыкиной [9], Б.Н. Миронова [10]. А.Э. Гетманский в своих трудах анализирует политические взгляды и государственную деятельность П.А. Валуева – крупного государственного деятеля, оставившего заметный след в истории России [11]. Отдельная глава диссертационного исследования автора посвящена работе Сельскохозяйственной комиссии 1872 г. А.Э. Гетманский обращается к политической стороне функционирования Валуевской комиссии, не останавливаясь на экономических результатах ее деятельности и погубернской хозяйственной специфике [7].

И.Е. Барыкина и И.А. Христофоров в своих работах рассматривают Комиссию 1872 г. как одну из особых форм и специальных институтов в самодержавной системе государственного управления Российской империи второй половины XIX в. По мнению авторов, она представляла собой механизм управления, носивший временный характер и возникший под влиянием текущих задач внутренней политики [9]. И.А. Христофоров рассматривает работу Сельскохозяйственной комиссии как попытку консервативного крыла во главе с П.А. Валуевым найти компромисс с либеральной общественностью [8]. Хозяйственные итоги работы Валуевской комиссии авторы не исследуют.

Б.Н. Миронов обращается к деятельности Валуевской комиссии как к массовому опросу о положении российского крестьянства второй половины XIX в. Анализ статистических данных о сельскохозяйственном производстве, налогах, повинностях, ценах, зарплате, питании и демографии позволяет автору сделать вывод о позитивных сдвигах в пореформенной деревне, создавая образ успешно развивающейся имперской России. Обосновывая данную точку зрения, Б.Н. Миронов приводит статистические данные, представленные Комиссией в том числе и по Рязанской губернии [10].

Можно сделать вывод, что большинство исследователей рассматривали Валуевскую комиссию 1872 г. как один из институтов самодержавной власти и этапов правительственной политики Александра II. Адаптация помещичьих хозяйств Рязанской губернии к пореформенным условиям региона не затрагивалась авторами, что ставит новую проблему исследования.

Источниками для изучения деятельности Валуевской комиссии служат «Доклады высочайше учрежденной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России», содержащие как всероссийские, так и погубернские сведения. Они условно разделены

на 5 томов, следующих друг за другом, согласно обозначению «приложений» [12].

Для выявления ключевых хозяйственно-экономических проблем России 1870-х гг. используются материалы Государственного архива Российской Федерации [13], Российского государственного исторического архива [14], привлекаются справочные статистические издания [15–17]. В работе используются дневники министра государственных имуществ П.А. Валуева, позволяющие проследить личное отношение государственных деятелей к работе Сельскохозяйственной комиссии [18].

О работе рязанских гласных повествуют «Доклады высочайше учрежденной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России», ставшие главным источником, используемым автором. Наибольший интерес представляет «Приложение VI» – «Стенографические ответы лиц, приглашенных в комиссию» [19]. В отличие от остальных материалов, которые ссылаются на безымянный источник информации, называя только социальную, общественную и профессиональную принадлежность респондента, в Приложении VI даются полные сведения о гласных Комиссии. Они позволяют выявить объективность взглядов респондентов и проследить особенности хозяйственной интенсификации региона.

Экономическое развитие Рязанской губернии в пореформенный период прослеживается на основе сведений Государственного архива Рязанской области: фонд 5 содержит ежегодные «Всеподданнейшие отчеты рязанского губернатора» [20]. Официальные статистические данные отражены в «Памятных книжках Рязанской губернии» [21]. Журналы заседаний Рязанского губернского земского собрания [22, 23] и Отчеты Рязанского общества сельского хозяйства [24] позволяют выявить хозяйственные вопросы, актуальные для региона в 1870-е гг. и сопоставить их с проблемами, рассматриваемыми Валуевской комиссией. Ценными источниками являются записки Александра Ивановича Кошелева, в которых автор посвятил деятельности Сельскохозяйственной комиссии отдельную главу [25].

По данным «Стенографических ответов лиц, приглашенных в комиссию» в 1872–1873 гг., в Валуевской комиссии от Рязанской губернии участвовали девять гласных [19]. Крупные помещики и землевладельцы должны были выявить «трудности своего состояния», составив план дальнейших действий по модернизации региона. Рязанскими респондентами стали: Константин Михайлович Афанасьев – статский советник, председатель Егорьевской уездной земской управы Рязанской губернии, состоятельный помещик и активный земский деятель [26. С. 127]; Александр Иванович Калемин – действительный статский советник, Спасский уездный предводитель дворянства, землевладелец Рязанской, Тамбовской и Уфимской губерний; князь Дмитрий Николаевич Крапоткин – генерал-майор свиты его Величества, землевладелец Рязанской, Санкт-Петербургской, Витебской и Новгородской губерний; Михаил Петрович Мясников – ти-

тулярный советник, помещик и Мировой посредник Михайловского уезда Рязанской губернии [27. С. 356–357]; Федор Николаевич Рюмин – камер-юнкер, землевладелец Рязанской губернии; князь Александр Иванович Шаховской – генерал-лейтенант, крупный землевладелец Пензенской и Рязанской губернии, участник Крымской кампании и подавления национально-освободительных восстаний в Венгрии и Польше [28. С. 82].

Наиболее известными рязанскими гласными были губернатор Н.А. Болдырев, крупный помещик-предприниматель Л.М. Муромцев и либеральный публицист, земский деятель и влиятельный представитель российской общественности XIX в. А.И. Кошелев.

На время службы Николая Аркадьевича Болдырева в 1866–1873 гг. пришлось осуществление земской, судебной и образовательной реформы в регионе. Анализ «Стенографических ответов лиц, приглашенных в комиссию», показывает, что предоставленные им сведения носят наиболее полный и обширный характер. Должность губернатора позволяла Н.А. Болдыреву осуществлять «общий надзор за всем происходящим», проводить ревизии подведомственных административных учреждений и назначать должностных лиц. Отвечая на вопросы Сельскохозяйственной комиссии, автор ориентировался на опыт своего хозяйствования. Имение Н.А. Болдырева в 500 дес. с конным заводом располагалось в селе Большое Треполье Михайловского уезда Рязанской губернии.

Активную деятельность в Данковском уезде Рязанской губернии вел Леонид Матвеевич Муромцев. В 1891 г. ему было присвоено звание «Почетный гражданин города Данкова». Материалы «Стенографических ответов лиц, приглашенных в комиссию», свидетельствуют, что в своей родовой усадьбе Баловнево (ныне Данковский район Липецкой области) автор наладил образцовое хозяйство. Поместье получало доходы за счет винокурного завода, водяной мельницы, фруктового сада, лесного питомника, коневодства, продажи сельскохозяйственной и молочной продукции. В своем имении Л.М. Муромцев открыл больницу и школу для крестьян, построил изящную водонапорную башню с курантами и громотводом.

Известным предпринимателем, земским деятелем и либеральным публицистом общероссийского масштаба был Александр Иванович Кошелев. С его именем связан радикальный Проект Крестьянской реформы, предполагавший освобождение крепостных с землей за выкуп и рассрочку дворянских платежей на 12 лет [25. С. 38]. Будучи активным сторонником общинного самоуправления, А.И. Кошелев проявил себя как талантливый и эффективный помещик, наладив образцовые производственные хозяйства в Рязском и Сапожковском уездах Рязанской губернии. Автор неоднократно обращался к опыту своего хозяйствования, отвечая на вопросы Сельскохозяйственной комиссии. А.И. Кошелев способствовал развитию образования в регионе, выступив организатором масштабных статистических исследований, ставших ценным

источником для изучения хозяйственно-экономического развития Рязанской губернии. Благодаря деятельности А.И. Кошелева рязанское земство содействовало модернизации региона и защищало главные принципы буржуазных реформ в России.

Таким образом, респондентами Сельскохозяйственной комиссии от Рязанской губернии стали крупные помещики, землевладельцы, успешные управленцы и активные земские деятели, целью работы которых было максимально объективно осветить экономические проблемы региона в начале 70-х гг. XIX в, опираясь на собственный опыт хозяйствования.

«Стенографические ответы лиц, приглашенных в комиссию», показывают, что респондентам предложили ответить на 269 вопросов, разделенных на 12 общих блоков: состояние землевладельческого и крестьянского хозяйства, проблемы привлечения вольнонаемной рабочей силы, поземельные налоги и повинности, техническая оснащенность крестьянских и помещичьих хозяйств, развитие скотоводства, местные отрасли производства, лесное хозяйство и добыча торфа, сельские промыслы и ремесла, заводская промышленность, улучшение путей сообщения, развитие сельскохозяйственного образования и законодательства в регионе [19].

Каждый блок подразделялся на подпункты, предлагавшие рязанским гласным подробный план исследования проблемы. Вводная часть «Состояние землевладельческого и крестьянского хозяйства» носит общий характер, предвзято дальнейшую спецификацию вопросов. Ее целью стало выявление степени адаптации сельских производителей к новым пореформенным условиям. Наиболее подробно респондентов Валуевской комиссии спрашивали о проблемах привлечения вольнонаемной рабочей силы (52 подпункта), технической оснащенности крестьянских и помещичьих хозяйств (41 подпункт) и развитии скотоводства в губернии (32 подпункта). Все эти сведения были направлены на выявление способности сельских производителей к ведению экономически прибыльного хозяйства в регионе [19].

Таким образом, в вопросах Валуевской комиссии были отражены ключевые проблемы развития аграрного производства пореформенного периода, учитывалась местная хозяйственная специфика региона. Однако рязанские гласные часто уходили от темы, рассматривая в рамках одного блока несколько связанных с ним проблем, что не всегда позволяло четко следовать структуре программы, предложенной респондентам.

Первостепенным направлением государственной политики России 1870-х гг. было улучшение экономического положения дворянского сословия, напрямую зависевшее от реформирования земельных отношений. Именно поэтому одной из главных тем рязанских гласных стало обсуждение состояния помещичьих имений.

Исходя из сведений «Статистического временника Российской империи», к началу 1870-х гг. дворяне Рязанской губернии составляли один процент от общего объема населения: 8 462 чел. потомственных

дворян и 5 392 чел. «дворян личных и служащих» [17. С. 22–23]. Данные «Статистики поземельной собственности и населенных мест Европейской России» позволяют утверждать, что из 674 161 дес. пахотной земли 81% земельной собственности принадлежал местному дворянству [15. С. 243–244].

Крестьянская реформа внесла значительные изменения в систему землевладения Российской империи. Если ранее вся земля юридически принадлежала государству и дворянам-помещикам, то теперь ее собственником стала и крестьянская община. Особенностью Рязанской губернии являлся тот факт, что выкупная операция здесь осуществлялась медленно и к началу 1870-х гг. дворянская земельная собственность еще не перешла в руки крестьян [19. Ч. 1. С. 231–232].

Из 4 400 частновладельческих имений, существовавших в Рязанской губернии к началу 1870-х гг., 60% были мелкопоместными – их владельцы имели меньше 100 дес. земли. Около 36% поместий относились к средним и крупным, размером 100–1 000 дес. И только 4% от общего числа имений Рязанской губернии обладало площадью свыше 1 000 дес., на них приходилась половина всей частновладельческой земли в регионе [29. С. 142].

Основная часть крупных землевладельцев искала пути получения дохода за счет сдачи земли в аренду крестьянам. Практиковалась «отработочная система» – в качестве арендной платы за землю крестьяне обрабатывали участок помещика своим инвентарем и скотом. Была распространена «испольщина» – половину урожая с арендованной земли крестьяне отдавали ее владельцу. Характерной чертой организации крупных хозяйств Рязанской губернии был «абсентизм» – самоустранение от управления имением и перепоручение его арендаторам и наемным управляющим [29. С. 144].

Примерами организации технически передовых хозяйств в Рязанской губернии, ориентированных на рынок, служат имения Пронского уезда П.Г. фон Дервиза в с. Старожилово и поместье Альютово, принадлежавшее Л.С. Халютину. Однако их было немного – одно-два на уезд [29. С. 145].

Таким образом, доходность большинства имений в Рязанской губернии определялась дешевизной используемой рабочей силы, что существенно тормозило техническую модернизацию деревни.

Развитие местных частновладельческих хозяйств невозможно оценить, не обратившись к природно-климатическим особенностям Рязанской губернии. По качеству земель ее территория делилась на две части: южную – земледельческую (правобережье реки Оки), и северную – неземледельческую (левобережье реки Оки) [21. С. 25]. По данным «Стенографических ответов лиц, приглашенных в комиссию», с этих позиций хозяйственно-экономическое развитие региона рассматривали гласные А.И. Калемин, Н.А. Болдырев, К.М. Афанасьев.

Южная половина Рязанской губернии – это район сельскохозяйственного производства. В черноземных уездах – Данковском, Раненбургском, Сапожковском, Рязском, Скопинском и Михайловском – пахотные

земли составляли 75,7%; в Пронском, Рязанском и Зарайском уездах с преимущественно суглинистой почвой – 50,4%. Наибольший процент «распашной» земли, достигавший 80% всей площади, был в Раненбургском уезде [16. С. 523]. Гласный А.И. Калемин отмечал, что на юге Рязанской губернии хорошо развивалось скотоводство и крестьяне «жили в большем избытке и довольстве» [19. Ч. 1. С. 94–96]. Губернатор Н.А. Болдырев указывал, что ценность земли в регионе зависела от местных условий и качества почвы. Так, в земледельческом Раненбургском уезде ее стоимость доходила до 100 руб. за одну десятину. В качестве примера автор указал имение М.П. Бистром на границе Раненбургского и Козловского уездов общим объемом 900 дес. Высокая урожайность здесь определила высокую стоимость земли – 100 руб. за одну десятину [19. Ч. 1. С. 274–276].

Северная половина губернии, или Мещерская сторона, имела болотисто-торфяную и песчаную почву. Наименьший процент «распашной» земли, достигавший 25% всей площади, был в Егорьевском уезде [16. С. 523]. Для высоких урожаев эти территории необходимо было постоянно удобрять, поэтому, не получая от земледелия достаточных средств к существованию, крестьяне занимались отхожими промыслами. Гласный А.И. Калемин указывал, что сельские производители «уходили в Петербург, Одессу, Таганрог, на Кавказ и получали там значительные денежные заработки» [19. Ч. 1. С. 94–96]. Гласный К.М. Афанасьев утверждал, что в Егорьевском уезде главным доходным занятием была работа на бумагопрядильной фабрике. Многие крестьяне «мастерки» работали на дому, получая сырье от предприятия [19. Ч. 2. С. 48–50]. Наибольшее распространение кустарная промышленность получила в Егорьевском, Спасском и Касимовском уездах, где пахотные земли составляли 31,6% от общего объема [16. С. 523].

Можно сделать вывод, что в Рязанской губернии наименьшему по численности дворянскому сословию принадлежал наибольший процент пахотных земель. После 1861 г. сельскохозяйственные угодья медленно переходили в руки крестьянского сословия, позволяя помещикам использовать устаревшие дореформенные методы хозяйствования. Комплекс всестороннего хозяйственного развития Рязанской губернии обуславливался ее региональной спецификой. Южная половина губернии была районом сельскохозяйственного производства, где земледелие давало основной доход. Северная половина состояла из неземледельческих территорий, вынуждая сельских производителей уходить на заработки. Рязанские гласные Сельскохозяйственной комиссии грамотно подошли к оценке хозяйственного состояния губернии, сделав акцент на природно-климатических особенностях региона.

Отмена крепостного права застала сельских производителей не подготовленными к ведению хозяйства на «рациональных основаниях». Экономист Н.Ф. Даниэльсон утверждал, что при неизменяющейся производительности земледельческого труда капиталистическое накопление происходило лишь за счет

сокращения потребления. Хлебное производство, являвшееся основой хозяйства, находилось в абсолютном застое [4. С. 33]. В этих условиях занятие земледелием становилось бессмысленным и недоходным. В «Очерках аграрной политики царского правительства» Реформа 1861 г. не без основания была названа «могилой для личной предприимчивости и развития земледелия» [14. Л. 1–4].

По данным Отчета рязанского губернатора за 1870 г., хозяйство сельских производителей Рязанской губернии находилось в том же положении, что и до реформы 1861 г.: преобладала трехпольная система земледелия, а наделы часто обрабатывались небрежно и несвоевременно, что ставило урожайность в прямую зависимость от климатических условий [20. Л. 15].

Анализ «Стенографических ответов лиц, приглашенных в комиссию», показывает, что рязанские гласные также связывали неудовлетворительное состояние помещичьих хозяйств со «старым рутинным производством», указывая на наличие «трехпольной системы без усовершенствований» (А.И. Калемин, Н.Ф. Рюмин, Д.Н. Крапоткин, М.П. Мясников, А.И. Шаховской). Так, А.И. Калемин отмечал, что «рационального хозяйства почти не существует» [19. Ч. 1. С. 94–96], а Н.А. Болдырев указывал, что «есть брошенные земли, основная часть которых находится в упадке» [19. Ч. 1. С. 274–276]. Обращаясь к своему поместью, «улучшенному и многопольному», гласный К.М. Афанасьев отмечал, что «любые попытки его улучшения не приносили должных результатов», а модернизация сельскохозяйственного производства не окупалась [19. Ч. 2. С. 48–50].

Таким образом, отмена крепостного права застала сельских производителей не подготовленными к рациональному ведению хозяйства. Большинство рязанских гласных справедливо указывали на наличие устаревшей трехпольной системы и дореформенное рутинное производство, ставившее урожайность в регионе в прямую зависимость от природно-климатических условий.

Кризис аграрного сектора Российской империи был связан с проблемой малоземелья сельских производителей. Известный дореволюционный экономист П.П. Мигулин в своих трудах оценивал данную ситуацию как «полное пренебрежение интересами сельскохозяйственной промышленности» [13. Л. 1]. «Статистика поземельной собственности» позволяет утверждать, что наименьший объем личной поземельной собственности у дворянского сословия наблюдался в Рязанской (76%) и Калужской (71%) губерниях, где земля имела наименьшую ценность. Так, в Пронском уезде Рязанской губернии количество дворян, имевших менее 10 дес. земли, составляло 221 человек [15. С. 22–25].

Рязанские гласные Валуевской комиссии К.М. Афанасьев и Д.Н. Крапоткин отмечали, что помещичьи «запашки уменьшились на половину» несмотря на то, что в 1873 г. помещики еще не приступили к «разверстанию» крестьянских наделов, которые находились в распоряжении общинников [19. Ч. 1. С. 231–232].

Особенностью Рязанской губернии стал переход земельных участков в руки купеческого сословия,

которое «реформа застала с капиталом и кредитом». Гласный К.М. Афанасьев указывал, что наиболее характерно это было для Егорьевского уезда, не производительного в сельскохозяйственном отношении. В период сильного падения цен на землю купцы смогли купить большие участки с качественным лесом менее, чем за 10 руб. за десятину. Это оказалось выгодным вложением денежных средств: к 1870-м гг. цены на лес так возросли, что «сажень дров в Егорьевском уезде нельзя было найти менее 5 руб. за дес., а строевой лес в 40 верстах от города был продан по 450 руб. за дес.». Переход земли от помещиков к купцам являлся серьезной проблемой, так как «последние совершенно не занимались сельским хозяйством» [19. Ч. 2. С. 48–50].

Можно сделать вывод, что в соответствии с общероссийскими тенденциями кризис аграрного сектора Рязанской губернии был связан с проблемой малоземелья сельских производителей. Перераспределение аграрной собственности в руки купеческого сословия стало серьезной региональной проблемой, выявленной респондентами Валуевской комиссии и приводившей к запустению сельскохозяйственных угодий.

Анализ «Стенографических ответов лиц, приглашенных в комиссию», показывает, что рязанские гласные Сельскохозяйственной комиссии А.И. Кошелев, М.П. Мясников, А.И. Шаховской отмечали нежелание владельцев самостоятельно управлять своими имениями. Респонденты подчеркивали, что это было важным фактором, тормозившим развитие частновладельческих хозяйств в регионе. Так, А.И. Кошелев утверждал, что «число помещиков, живущих в имениях, уменьшается, они переезжают в город или поступают на службу» [19. Ч. 1. С. 236–238]. Гласные М.П. Мясников и А.И. Шаховской указывали, что средние частновладельческие хозяйства развивались «неплохо и стабильно», так как владельцы самостоятельно управляли своими имениями. Уровень модернизации крупных поместий оказался значительно ниже, что было связано с абсентеизмом их хозяев. Они сдавали землю в аренду крестьянам, «не утруждая себя ведением хозяйства» [19. Ч. 2. С. 45–46]. Таким образом, экономические улучшения и доходность имений были возможны только в тех хозяйствах, которыми помещики управляли самостоятельно.

Организация пореформенных помещичьих хозяйств требовала отказа от принудительного труда и переход к найму свободной рабочей силы. Однако отмена крепостного права застала землевладельцев не подготовленными к этому процессу. Как отмечалось в «Очерках аграрной политики царского правительства», реформа, с одной стороны, полностью обновила быт сельского населения, даровав ему личную свободу, а с другой – не позволила дворянам поднять свой поместьи на более высокий уровень [14. Л. 1–2].

На большинстве сельскохозяйственных территорий Рязанской губернии преобладала испольная система. Эта форма организации сельского хозяйства являлась менее прогрессивной по сравнению с наемным трудом, так как не влекла за собой качественную обработку почвы. Гласный А.И. Калемин отмечал, что в Спасском

уезде половина земель не удобрялась, поскольку «отдавалась исполу». Интересен тот факт, что в Тамбовской губернии, близкой по качеству почв с Рязанской, ситуация была иная: «помещичьи земли здесь хорошо обрабатываются, хотя сдаются крестьянам» [19. Ч. 1. С. 94–96].

Особенностью Рязанской губернии являлся тот факт, что сдача земли в аренду не являлась надежным способом получения прибыли. Гласные Н.А. Болдырев и М.П. Мясников отмечали, что «в хороший год земля разбирается охотно и оплачивается широко, а в неурожайный картина плачевная» [19. Ч. 1. С. 274–276]. Мясников указывал: местные крестьяне были настолько не требовательны, что, имея минимальный урожай, не арендовали землю у помещиков и часто не обрабатывали до конца свою. В 1872 г. в Рязанской губернии можно было нередко «встретить поля с незасеянными полосами» [19. Ч. 2. С. 45–46].

В этой связи первостепенной хозяйственной задачей в Рязанской губернии стало формирование рынка вольнонаемной рабочей силы. Гласный К.М. Афанасьев утверждал, что отсутствие крепостного труда вынуждало помещиков сокращать темпы сельскохозяйственного производства: «...часто летом у нас нельзя найти ни одного крестьянина, остаются одни только бабы, а мужики уходят на заработки, потому что земля не вознаграждает хлебопашество» [19. Ч. 2. С. 48–50]. Гласные Д.Н. Крапоткин, К.М. Афанасьев, Н.А. Болдырев, А.И. рапоткин, Ф.Н. Рюмин указывали, что труд квалифицированных рабочих обходился помещикам слишком дорого [19. Ч. 1. С. 231–232]. Так, в летний период плата наемному рабочему в регионе в среднем составляла 40 руб. на «хозяйских харчах», которые «обходились около той же суммы» [19. Ч. 1. С. 274–276].

Особенностью Рязанской губернии являлся тот факт, что из-за нехватки наемной рабочей силы к крестьянам нельзя было применить дисциплинарные меры для повышения качества труда. Гласный К.М. Афанасьев отмечал: «...строго обращаться с рабочими было страшно, потому что в этом случае они на другой год не пришли бы». Основной контингент наемных рабочих составляли крестьяне из Тульской губернии и Коломны: «...из года в год приезжают одни и те же рабочие, они понимают, что регион в них нуждается и поэтому являются очень требовательными в летнее время года» [19. Ч. 2. С. 48–50].

С 1870 г. ситуация изменилась: предпочтение стали отдавать наемным рабочим из Рязанской губернии. Однако местные крестьяне не стремились устроиться на заработки в своем регионе. Причина заключалась в том, что доход на стороне был гораздо выше, чем в период сельскохозяйственных работ. Так, гласный М.П. Мясников отмечал, что в Михайловском уезде плата наемному рабочему не превышала 43 руб. в год «при хозяйском содержании», а отхожие промыслы давали около 70 руб. годового дохода – «достаточного для уплаты крестьянами всех денежных сборов» [19. Ч. 2. С. 45–46]. Гласный К.М. Афанасьев отмечал, что в период отхожих промыслов заработок в Егорьевском уезде достигал 100 руб. в год [19. Ч. 2. С. 48–50].

Своевременная выплата жалования имела важное значение для привлечения наемных рабочих. Князь А.И. Шаховской утверждал, что «крестьяне не любят несколько раз ходить за деньгами, в особенности в дальние местности». Автор отмечал, что работники так остро нуждались в средствах, что «готовы были получать меньший заработок, зная, что им его выдадут сразу» [19. Ч. 1. С. 240–241]. Отсутствие прочной законодательной базы приводило к тому, что, как и в дореформенный период, «условия найма зависели от местных обычаев и обоюдной степени доверия» [19. Ч. 1. С. 274–276]. Часто крестьяне уходили с деньгами, не выполнив свою работу. В этом случае без заключенного письменного договора взыскать с работников полученные вперед деньги было фактически невозможно. Гласный А.И. Шаховской отмечал, что высокая заработная плата негативно отражалась на поведении наемных рабочих, «убеждая крестьян в их незаменимости». Так, работники выдвинули ему условие: на работу они будут выходить, когда захотят, а не когда с них потребуют: «без нас не обойдутся, пойду сожну десятину и хватит, а мне это на целую неделю пропитания» [19. Ч. 1. С. 240–241].

Таким образом, отмена крепостного права застала землевладельцев не подготовленными к переходу от обязательного к вольнонаемному труду. Сведения, предоставленные рязанскими гласными Валуевской комиссии, позволяют утверждать, что устаревшая исполная система не позволяла помещикам получать прибыль, что делало первостепенной хозяйственной задачей региона формирование рынка свободной рабочей силы. Особенностью Рязанской губернии являлся тот факт, что местные крестьяне не стремились устроиться на заработки в своем регионе, а отсутствие прочной законодательной базы приводило к невыполнению ими своих обязательств.

По данным «Стенографических ответов лиц, приглашенных в комиссию», только двое гласных из девяти – А.И. Кошелев и А.И. Калемин – отметили положительные стороны развития помещичьих хозяйств в Рязанской губернии. Авторы указывали на наличие у землевладельцев достаточных капиталов и начало применения усовершенствованной системы хозяйствования. Так, А.И. Кошелев утверждал, что главный фактор, препятствующий модернизации частновладельческих хозяйств в регионе, – недостаток финансовых средств – был устранен в связи с открытием поземельных банков, где помещики смогли заложить свои имения [19. Ч. 1. С. 236–238]. На наш взгляд, оценка автора носит субъективный характер: И.А. Кошелев был активным сторонником открытия доступных кредитных учреждений в губернии, видя в них решение всех хозяйственных проблем.

Анализ журналов Рязанского губернского земского собрания позволяет сделать вывод, что часть представителей рязанской либеральной общественности видела благоприятные перспективы хозяйственного развития региона: «...как ни однообразна вообще картина нашего трехпольного хозяйства, есть повод надеяться, что найдутся многие местности и лица, чтобы обеспечить успех дела в будущем» [22. С. 259].

Гласный А.И. Калемин отмечал, что «год от года имения помещиков улучшаются», а в некоторых уже существовало четырехпольное хозяйство. Оценка респондентов субъективна: они позитивно смотрели в будущее, считая «непроизводительную трату» денежных средств временным явлением и утверждая, что «срок, когда мы сможем употребить капиталы надлежащим образом, еще придет» [19. Ч. 1. С. 94–96].

В задачи Валуевской комиссии не входило получение от гласных готовых решений сельскохозйственных проблем, однако рязанские респонденты выдвинули свои предложения. Развитие сельскохозйственного образования и техническая модернизация были названы главными мерами по усовершенствованию помещичьих имений в губернии. Пробелы в этих сферах местные гласные считали «серьезным и трудно восполняемым недостатком», который «необходимо было исправить в кратчайшие сроки» [19. Ч. 1. С. 236–238].

Отчеты Рязанского общества сельского хозяйства за 1870–1873 гг. показывают, что данные проблемы долгое время активно обсуждались в регионе. Так, секретарь общества Н.П. Корнев в своем докладе Совету отмечал: «...у нас еще нет ни хороших управляющих, ни работников, умеющих владеть усовершенствованными орудиями или машинами» [24. С. 34].

Рязанские гласные утверждали, что первостепенной проблемой Рязанской губернии было отсутствие квалифицированных управляющих (А.И. Кошелев, К.М. Афанасьев, Н.А. Болдырев, Ф.Н. Рюмин): «...в основном используют практиков, они лучше умеют обращаться с рабочими и хозяйством» [19. Ч. 2. С. 48–50]. Однако наличие специального сельскохозйственного образования авторы рассматривали неоднозначно. Так, А.И. Кошелев считал, что «очень часто ученые агрономы приводят к излишним расходам и недостаточному приходу» [19. Ч. 1. С. 236–238]. К.М. Афанасьев указывал: «...мне не встречалось видеть таких специалистов, которые бы удовлетворяли своему назначению» [19. Ч. 2. С. 48–50]. Иную точку зрения выразил рязанский губернатор Н.А. Болдырев, утверждая, что «крупные землевладельцы нанимают ученых управляющих, которые успешно справляются со своими обязанностями» [19. Ч. 1. С. 274–276]. Ф.Н. Рюмин указывал: «...желательно, чтобы приказчики нанимались из знающих теорию». По мнению автора, главной проблемой была выплата специалисту достойного жалования: «...даже хорошие садовники стоят так дорого, что не доступны для хозяев, а дешевые не удовлетворяют своему назначению» [19. Ч. 1. С. 200–202].

Актуальной для Рязанской губернии являлась проблема технической модернизации дворянских имений. Сведения «Обзора земской деятельности Рязанской губернии» позволяют утверждать, что местное земство активно участвовало в деле развития образования в регионе. Так, с 1870 по 1873 г. на эту сферу в целом было выделено более 265 тыс. руб. [23. С. 15]. Анализ отчетов Рязанского общества сельского хозяйства за 1870–1873 гг. показывает, что одним из пунктов

«Программы для описания землевладения в топографическом и хозяйственном отношении» было наличие в имении сельскохозяйственных машин. Секретарь Рязанского общества сельского хозяйства Н.П. Корнев считал, что в пореформенную эпоху «стало необходимо пользоваться всеми современными открытиями и усовершенствованиями, способствующими к увеличению дохода с имения» [24. С. 26, 32].

Анализ «Стенографических ответов лиц, приглашенных в комиссию» позволяет утверждать, что проблема технической модернизации дворянских имений получила неоднозначную оценку среди рязанских гласных: некоторые респонденты указывали на отсутствие технических улучшений, другие высказывали мнение об активном внедрении сельскохозяйственных машин в регионе. Так, гласные М.П. Мясников и Н.А. Болдырев связывали сложности местных землевладельцев с отсутствием технических улучшений: «усовершенствованные орудия труда не используются ни в крупных, ни в мелких хозяйствах, редко где применяются молотилки, веялки и зерносушилки» [19. Ч. 2. С. 45–46]. Рязанский губернатор Н.А. Болдырев указывал на высокую стоимость сельскохозяйственных машин, которые были доступны только состоятельным землевладельцам [19. Ч. 1. С. 274–276].

Гласный Ф.Н. Рюмин, напротив, утверждал, что помещики Рязанской губернии использовали машины и плуги Рансома, и даже местные крестьяне были заинтересованы в сельскохозяйственных новшествах: «под Рязанью, когда привезены были сюда машины, крестьяне приходили смотреть: сначала глядели косо, потом, убедившись, что они облегчают труд, изъявили желание приобрести земледельческие машины или, по крайней мере, нанять их у помещиков» [19. Ч. 1. С. 200–202].

Использование сельскохозяйственных машин в рязанских имениях подробно описывал князь А.И. Шаховской. Он указывал, что в разгар сельскохозяйственных работ их внедрение в производство препятствовало увеличению стоимости наемного труда. Так, приобретенные в 1867 г. машины системы Вуда позволили ему не только «удержать цену на жатву ржи в 4,5–5 руб. за одну дес.», но и увеличить крестьянскую арендную плату с 2,5 до 8 руб. [19. Ч. 1. С. 240–241]. С 1862 по 1872 г., благодаря техническим улучшениям в Рязанской губернии, количество обрабатываемой земли увеличилось в 17 раз. Спрос на качественно возделанные участки в крестьянской среде возрос, а «ценность земли во всей округности повысилась многократно».

Создание образцовых хозяйств рязанские гласные считали действенным способом повышения уровня аграрной культуры в регионе. К.М. Афанасьев, А.И. Шаховской и Л.М. Муромцев утверждали: «...личным примером у нас можно скорее достигнуть успеха, чем посредством научных указаний» [19. Ч. 2. С. 118–119]. Так, использование сельскохозяйственных машин в имении князя А.И. Шаховского дало положительный результат: «...многие соседи сами принялись хозяйничать и даже крестьяне стали перенимать лучшие способы обработки, хотя известно,

что они очень упорно стоят против всяких нововведений» [19. Ч. 1. С. 240–241].

Гласный Ф.Н. Рюмин выступал за создание «небольших практических школ при успешно развивающихся помещичьих хозяйствах», где «будут готовить опытных приказчиков, разводить улучшенные семена и организовывать передовое скотоводство» [19. Ч. 1. С. 200–202]. Кроме того, рязанский губернатор Н.А. Болдырев предлагал правительству и Обществу сельского хозяйства премировать образцовые имения [19. Ч. 1. С. 274–276]. Местные гласные указывали на необходимость издания специальной агрономической литературы, понятной широкому кругу читателей (К.М. Афанасьев, Ф.Н. Рюмин) и организацию сельскохозяйственных выставок (Н.А. Болдырев, А.И. Шаховской).

Таким образом, развитие сельскохозяйственного образования и техническая модернизация были главными мерами по усовершенствованию помещичьих имений в Рязанской губернии. Местные гласные обозначили ключевые проблемы региона в этой сфере: отсутствие квалифицированных управляющих, недостаточность сельскохозяйственной техники. Они выступали за поощрения образцовых хозяйств, создание практических школ при успешно развивающихся имениях, издание специальной литературы и организацию сельскохозяйственных выставок в регионе.

Можно сделать вывод, что работа Сельскохозяйственной комиссии позволила оценить состояние помещичьих имений в России в 1870-е гг. Этот период стал переходным для Рязанской губернии, когда единая система организации хозяйства не сформировалась, а сельские производители не успели адаптироваться к новым пореформенным условиям. Местные гласные – крупные помещики и землевладельцы – обозначили ключевые экономические проблемы региона: малоземелье сельских производителей, устаревшие методы хозяйствования (наличие трехпольной и испольной системы), дворянский абсентеизм. Их оценки не лишены субъективизма, однако, опираясь на собственный опыт хозяйствования, они смогли осветить главные проблемы аграрного производства, выявив специфику Рязанской губернии: медленный переход дворянских угодий в руки крестьян, перераспределение аграрной собственности в пользу купеческого сословия, сдача земли в аренду как ненадежный способ получения прибыли.

Первостепенной сельскохозяйственной задачей Рязанской губернии, выявленной гласными Валуевской комиссии, стало формирование рынка вольнонаемной рабочей силы. Региональной особенностью являлся тот факт, что местные крестьяне не стремились устроиться на заработки в своем регионе, а нехватка квалифицированных рабочих и отсутствие сформированной законодательной базы делали затруднительным применение к ним дисциплинарных мер.

В задачи Валуевской комиссии не входило получение от респондентов готовых решений региональных сельскохозяйственных проблем, однако рязанские гласные предложили собственные меры по усо-

вершенствованию помещичьих имений, включавшие техническую модернизацию и развитие сельскохозяйственного образования в губернии.

Большинство местных респондентов негативно оценивали уровень развития помещичьих имений в Рязанской губернии в 1870-е гг. Их мнение было индикатором пореформенных проблем не только региона, но и Российской империи в целом. Участие в работе Сельскохозяйственной комиссии стало для рязанских гласных важным этапом в выявлении экономических

проблем региона, когда земская общественность смогла транслировать свои идеи и опыт с мест на всероссийский уровень. Комиссия для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России подготовила почву для дальнейших масштабных преобразований в стране. Основные положения Валуевской комиссии найдут отражение в реформировании кредитно-финансовой системы в царствование Александра III и проведении Столыпинской аграрной реформы в 1906 г.

Список источников

1. Крестьянский строй. Т. 1 : сб. ст. СПб. : Беседа, 1905. 455 с.
2. Корнилов А.А. Крестьянская реформа. СПб. : Гершунин и К°, 1905. 271 с.
3. Кавелин К.Д. Чем нам быть? Ответ редактору газеты «Русский мир»: в двух письмах. Berlin : B. Behr's Verlag (E. Bock), 1875. 87 с.
4. Даниельсон Н.Ф. Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства. СПб. : Тип. А. Бенке, 1893. 418 с.
5. Чернуха В.Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л. : Наука, 1978. 247 с.
6. Чернуха В.Г. Крестьянский вопрос в правительственной политике России (60–70 годы XIX в.). Л. : Наука, 1972. 225 с.
7. Гетманский А.Э. Политические взгляды и государственная деятельность П.А. Валуева, 70–80-е гг. XIX в. : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2001. 227 с.
8. Христофоров И.А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам (конец 1850 – середина 1870-х гг.). М. : Русское слово-РС, 2002. 432 с.
9. Барыкина И.Е. Государственное управление России второй половины XIX века (особые формы и специальные институты). СПб. : Нестор-История, 2018. 368 с.
10. Миронов Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М. : Весь мир, 2012. 848 с.
11. Гетманский А.Э. Петр Александрович Валуев // Вопросы истории. 2002. № 6. С. 58–86.
12. Доклад Высочайше учрежденной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. Приложения I–VI. СПб. : Тип. Т-ва «Общественная польза», 1873. 1983 с.
13. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 555. Оп. 1. Д. 1361.
14. Российский государственный исторический архив. Ф. 592. Оп. 44. Д. 1263.
15. Статистика поземельной собственности и населенных мест европейской России. Вып. 1: Губернии Центральной земледельческой области. СПб. : Изд. Центр. Стат. комитета, 1880. 1045 с.
16. Энциклопедический словарь : в 86 т. / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. XXVII^a. СПб. : Семеновская Типо-литогр. (И.А. Ефрон), 1891. 975 с.
17. Статистический временник Российской империи. Сер. 2. Вып. 7. Государственные доходы России, их классификация, нынешнее состояние и движение. СПб. : Изд. Центр. Стат. комитета, 1872. 587 с.
18. Дневник П.А. Валуева министра внутренних дел : в 2 т. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1961. 896 с.
19. Доклад Высочайше учрежденной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. Приложение VI. Стенографические ответы лиц, приглашенных в комиссию : в 2 ч. СПб. : Тип. Т-ва «Общественная польза», 1873. 398 с.
20. Государственный архив Рязанской области. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3872.
21. Памятная книжка для Рязанской губернии на 1870 год. Рязань : Тип. Губернского правления, 1870. 314 с.
22. Журналы Рязанского губернского земского собрания седьмого очередного созыва. Рязань : Тип. З.П. Поздняковой, 1871. 248 с.
23. Обзор земской деятельности в Рязанской губернии за девятилетие с 1866 по 1875 год. Рязань : Тип. З.П. Поздняковой, 1875. 378 с.
24. Отчеты о деятельности Высочайше утвержденного Рязанского общества сельского хозяйства (с 1866 до 1871 г.). Рязань : Губернская тип., 1871. 545 с.
25. Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 годы) с семью приложениями. Berlin : B. Behr's Verlag (E. Bock), 1884. 232 с.
26. Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 10: Материалы по истории и генеалогии дворянских родов Рязанской губернии. Вып. 1: Абаза–Бюллеры. Рязань : Ряз. обл. ин-т развития образования, 2006. 627 с.
27. Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 10: Материалы по истории и генеалогии дворянских родов Рязанской губернии. Вып. 5: Лавровы–Мясоедовы. Рязань : Ряз. обл. ин-т развития образования, 2006. 574 с.
28. Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 10: Материалы по истории и генеалогии дворянских родов Рязанской губернии. Вып. 9: Цапенко–Яценко. Рязань : Ряз. обл. ин-т развития образования, 2015. 513 с.
29. История одной губернии: очерки истории Рязанского края 1778–2007 гг. / под ред. П.В. Акульшина. Рязань : ГУ – Пресса, 2007. 450 с.

References

1. Anon. (1905) *Krest 'yanskiy stroy* [Peasant system]. Vol. 1. Saint Petersburg: Beseda.
2. Kornilov, A.A. (1905) *Krest 'yanskaya reforma* [Peasant reform]. Saint Petersburg: Gershunin i K°.
3. Kavelin, K.D. (1875) *Chem nam byt'?* *Orvet redaktoru gazety "Russkiy mir"*: v dvukh pis'makh [What are we to be? Answer to the editor of the Russkiy Mir newspaper: in two letters]. Berlin: B. Behr's Verlag (E. Bock).
4. Daniel'son, N.F. (1893) *Ocherki nashego poreformennogo obshchestvennogo khozyaystva* [Essays on our post-reform social economy]. Saint Petersburg: Tip. A. Benke.
5. Chernukha, V.G. (1978) *Vnutrennyaya politika tsarizma s serediny 50-kh do nachala 80-kh gg. XIX v.* [The internal policy of tsarism from the mid-1850s to the early 1880s]. Leningrad: Nauka.
6. Chernukha, V.G. (1972) *Krest 'yanskiy vopros v pravitel'stvennoy politike Rossii (60–70 gody XIX v.)* [The peasant question in the government policy of Russia (1860s–1870s)]. Leningrad: Nauka.
7. Getmanskiy, A.E. (2001) *Politicheskie vzglyady i gosudarstvennaya deyatel'nost' P.A. Valueva, 70–80-e gg. XIX v.* [Political views and state activity of P.A. Valuev, 1870s–1880s]. History Cand. Diss. Saratov.
8. Khristoforov, I.A. (2002) *"Aristokraticeskaya" oppozitsiya Velikim reformam (konets 1850 – sredina 1870-kh gg.)* ["Aristocratic" opposition to the Great Reforms (late 1850s – mid-1870s)]. Moscow: Russkoe slovo-RS.

9. Barykina, I.E. (2018) *Gosudarstvennoe upravlenie Rossii vtoroy poloviny XIX veka (osobyie formy i spetsial'nye instituty)* [Public administration of Russia in the second half of the 19th century (special forms and special institutions)]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.
10. Mironov, B.N. (2012) *Blagosostoyaniye naseleniya i revolyutsii v imperskoy Rossii: XVIII – nachalo XX veka* [Welfare of the population and revolutions in imperial Russia: 18th - early 20th centuries]. Moscow: Ves' mir.
11. Getmanskiy, A.E. (2002) Pyotr Aleksandrovich Valuev. *Voprosy istorii*. 6. pp. 58–86. (In Russian).
12. Commission for the Exploration of the Current Situation of Agriculture and Agricultural Productivity. (1873) *Doklad Vysochayshe uchrezhdennoy komissii dlya issledovaniya nyneshnego polozheniya sel'skogo khozyaystva i sel'skoy proizvoditel'nosti v Rossii* [Report of the Highest Established Commission for the Exploration of the Current Situation of Agriculture and Agricultural Productivity. in Russia]. Appendices I–VI. Saint Petersburg: Tip. T-va “Obshchestvennaya pol'za”.
13. State Archive of the Russian Federation. Fund 555. List 1. File 1361.
14. Russian State Historical Archive. Fund 592. List 44. File 1263.
15. Central Statistics Committee. (1880) *Statistika pozemel'noy sobstvennosti i naseleennykh mest evropeyskoy Rossii* [Statistics of land ownership and settlements in European Russia]. Vol. 1. Saint Petersburg: Izd. Tsentr. Stat. komiteta.
16. Brokgauz, F.A. & Efron, I.A. (1891) *Entsiklopedicheskiy slovar'*: v 86 t. [Encyclopedic Dictionary: in 86 volumes]. Vol. XXVIIa. Saint Petersburg: Semenovskaya Tipo-litogr.
17. Central Statistics Committee. (1872) *Statisticheskiy vremennik Rossiyskoy imperii* [Statistical chronicle of the Russian Empire]. Ser. 2. Vol. 7. Saint Petersburg: Izd. Tsentr. Stat. komiteta.
18. Valuev, P.A. (1961) *Dnevnik P.A. Valueva ministra vnutrennikh del: v 2 t.* [Diary of P.A. Valuev, Minister of Internal Affairs: in 2 vols]. Moscow: USSR AS.
19. Commission for the Exploration of the Current Situation of Agriculture and Agricultural Productivity. (1873) *Doklad Vysochayshe uchrezhdennoy komissii dlya issledovaniya nyneshnego polozheniya sel'skogo khozyaystva i sel'skoy proizvoditel'nosti v Rossii* [Report of the Highest Established Commission for the Exploration of the Current Situation of Agriculture and Agricultural Productivity. in Russia]. Appendix VI. Saint Petersburg: Tip. T-va “Obshchestvennaya pol'za”.
20. State Archive of Ryazan Oblast. Fund 5. List 1. File 3872.
21. Anon. (1870) *Pamyatnaya knizhka dlya Ryazanskoy gubernii na 1870 god* [Memorial book for Ryazan Province for 1870]. Ryazan: Tip. Gubernskogo pravleniya.
22. Ryazan Provincial Zemstvo Assembly. (1871) *Zhurnaly Ryazanskogo gubernskogo zemskogo sobraniya sed'mogo ocherednogo sozyva* [Journals of the Ryazan Provincial Zemstvo Assembly of the seventh regular convocation]. Ryazan: Tip. Z.P. Pozdnyakovoy.
23. Anon. (1875) *Obzor zemskoy deyatel'nosti v Ryazanskoy gubernii za devyatiletie s 1866 po 1875 god* [Review of zemstvo activities in Ryazan Province for nine years, from 1866 to 1875]. Ryazan: Tip. Z.P. Pozdnyakovoy.
24. Ryazan Society of Agriculture. (1871) *Otchety o deyatel'nosti Vysochayshe utverzhdennogo Ryazanskogo obshchestva sel'skogo khozyaystva (s 1866 do 1871 g.)* [Reports on the activities of the Highly Approved Ryazan Society of Agriculture (from 1866 to 1871)]. Ryazan: Gubernskaya tip.
25. Koshelev, A.I. (1884) *Zapiski Aleksandra Ivanovicha Kosheleva (1812–1883 gody) s sem'yu prilozheniyami* [Notes of Aleksandr Ivanovich Koshelev (1812–1883) with seven appendices]. Berlin: B. Behr's Verlag (E. Bock).
26. Anon. (2006) *Materialy i issledovaniya po ryazanskomu kraevedeniyu* [Materials and research on Ryazan local history]. Vol. 10 (1). Ryazan: Ryaz. obl. in-t razvitiya obrazovaniya.
27. Anon. (2006) *Materialy i issledovaniya po ryazanskomu kraevedeniyu* [Materials and research on Ryazan local history]. Vol. 10 (5). Ryazan: Ryaz. obl. in-t razvitiya obrazovaniya.
28. Anon. (2015) *Materialy i issledovaniya po ryazanskomu kraevedeniyu* [Materials and research on Ryazan local history]. Vol. 10 (9). Ryazan: Ryaz. obl. in-t razvitiya obrazovaniya.
29. Akul'shin, P.V. (ed.) (2007) *Istoriya odnoy gubernii: ocherki istorii Ryazanskogo kraya 1778–2007 gg.* [History of one province: essays on the history of Ryazan Oblast, 1778–2007]. Ryazan: GU – Pressa.

Информация об авторе:

Костылева Е.Н. – канд. ист. наук, доцент кафедры “Инженерный бизнес и менеджмент” Рязанского института (филиала) Московского политехнического университета (Рязань, Россия). E-mail: lena-kostyleva@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.N. Kostyleva, Cand. Sci. (History), associate professor, Ryazan Institute (Branch) of Moscow Polytechnic University (Ryazan, Russian Federation). E-mail: lena-kostyleva@yandex.ru

The author declares no conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 28.06.2021;
одобрена после рецензирования 22.09.2021; принята к публикации 30.06.2022.

The article was submitted 28.06.2021;
approved after reviewing 22.09.2021; accepted for publication 30.06.2022.